

ВМЕСТО ПРОЛОГА

«Ты хочешь написать о пребывании А. П. Чехова во Владивостоке? Не надо. Здесь он пробыл всего пять дней, чувствовал себя плохо после Сахалина, никаких свидетельств об этом практически нет, материала нет, зато есть противоречивые воспоминания, которые вызвали неприятный резонанс в городе. Писать, собственно, не о чем. Не пиши».

Мнение моих друзей и близких.

И ВСЕ ЖЕ Я ПОПРОБУЮ

У каждого свой Чехов. Одни любят его рассказы, другие — заметки, третьи — письма (эпистолярный жанр представлен очень широко). Я люблю пьесы А. П. Чехова. «Чайка» — самая любимая из всех. О «Чайке» могу говорить бесконечно, спорить, выдвигать гипотезы, искать, что читается между строк, кто стоит за персонажами, с кого «списан» тот или иной герой. Вы скажете, что мне рано читать пьесы Чехова? А вот и нет! С Чеховым я «познакомился» в шесть лет, когда открыл толстый том из «Всемирки», долго листал, потом почему-то выбрал рассказ «Мальчики» (привлекло название, конечно), ставший мостком к творчеству великого писателя. С одной стороны, незатейливый сюжет: мальчишки решают сбежать из дома, детская романтика, наивная сестра Маша. Но как я хохотал с, казалось бы, невинного эпизода, когда маленькая девочка, сестра главного героя Маша, увидев Чечевицына, друга своего брата, говорит в раздумье: «А у нас чечевицу вчера готовили». Вроде бы ничего особенного, но смеялся до колик.

Но не о рассказах Антона Павловича пойдет сегодня речь, и даже не о моих любимых пьесах. Я напишу про посещение Чеховым моего родного Владивостока. Поскольку моя бабушка, Выговская Лидия Ивановна, всю свою жизнь проработала в краевом архиве, у меня была уникальная возможность познакомиться с редчайшими документами, в которых запечатлены уникальные факты, связанные с пребыванием Чехова в нашем городе. И хотя информацию я собирал полулегально и по крупицам, я все же рискну поделиться тем, что мне удалось добыть.

Как известно, А. П. Чехов побывал во Владивостоке проездом с Сахалина в Одессу пятнадцатого — девятнадцатого октября 1890 года. Что представлял собой Владивосток того времени? Опять же, опираюсь только на исторические хроники. Городу всего лишь тридцать лет. Он до невозможности грязен, в нем практически отсутствует тротуар, который лишь в центральной части города заменяют деревянные настилы.

Население в основном представлено военными моряками. Гражданских лиц очень мало. Зато много китайцев, японцев и корейцев, которые заняты во всех социальных сферах: они торгуют, строят, убирают. То тут, то там слышен их громкий гортанный говор.

Катастрофически мало женщин, что порождает агрессию в обществе. Газетные хроники полны криминальных сообщений: «из-за мадам такой-то стрелялись два морских офицера», «из-за ревности гражданин Х убил свою жену», «жители Матросской слободки учинили расправу над гражданкой Y, заразившей неприличной болезнью более 150 жителей». Во Владивостоке девяностых годов публичных домов было больше, чем магазинов!

В городе еще нет театра, зато много опекурилен! Ну кто, скажите, не знает знаменитую владивостокскую «Миллионку»? Многочисленные проулки, проходные дворы и деревянные галереи, переброшенные над головами прохожих, позволяли знающему человеку быстро пересекать целые кварталы, уходя от преследования. Там, на «Миллионке», процветали проституция, контрабандная торговля, опекурение и игорный бизнес. Кроме того, «Миллионка» являлась штаб-квартирой китайских объединений профессионального, делового и политического характера, большинство из которых действовало тайно. Городской Совет издает указ: запретить гражданскому населению заходить в китайские кварталы, а ежели полицейским, то только группами, не менее чем по три человека.

Обратимся к газете «Далекая Окраина» за 1890 год, вот что там пишут: «В 1890-м году в край прибыло только 155 семей переселенцев (общим счетом 1098 душ). А всего за последнее пятилетие таковых оказалось не больше 15 тысяч человек, — что это для наших необъятных и необжитых просторов (уже в следующем десятилетии в край будет доставлено аж 173 тысячи человек). Мизер! Тем более людей грамотных и работающих среди них — вообще единицы. Но если обученных работников не удается перетянуть со стороны, значит, надо выращивать их на месте, из приморских мальчишек, для которых Владивосток — родная земля. «Не потому ли наша жизнь так полна эгоизмом, часто помимо нашей воли, что многие из нас могут относиться к этому краю только как к своей *второй* родине и стремятся всей душой обратно на почву *первой*? Только для наших детей этот край явится настоящей *матерью-родиной*. У них будет полная жизнь, значит, и стоит о них подумать», — пишет первый гражданин Владивостока Яков Семенов.

Малоизвестный факт: Чехов мог не попасть во Владивосток, потому что в городе длительное время свирепствовала эпидемия холеры и город был закрыт. Чехов писал Суворину: «Со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу, Суэце, кажется даже на луне — всюду холера, везде карантин и страх...» Карантин сняли перед самым приездом Чехова. И вот в такой Владивосток приезжает интеллигентнейший тридцатилетний Антон Павлович. Неудивительно, что писатель не был очарован «городом нашенским», как его назвал В. И. Ленин. Прочитав его заметки и воспоминания о посещении Владивостока, многие горожане обиделись. Кто-то тихо затаил обиду, кто-то, побойчее, попытался парировать на обиды открыто. В газете «Владивосток» от второго декабря 1890 года под названием «Рефлексы зимы» и за подписью ЦЭЦЭ был опубликован весьма ядовитый фельетон. Это был своеобразный ответ Чехову:

*Недавно Чехов приезжал
И в «Новом Времени» писал
(Взглянув нечаянно в газету,
На днях прочел статью я эту),
Что пьем вино мы, не пьянея,
(Ну значит, водка слаба здесь,*

*Или из разных зелий смесь)
Во всякий час, во всякий день,
И тем на нас набросил тень.
Он, темных красок не жалея,
Сибирской женщине изрек
Пренеприятнейший упрек:
Она совсем не «колоритна»
(Коль это в смысле красоты,
То есть и дивные черты),
Что необщительна и скрытна
(Отчасти в этом Чехов прав:
Таков в глуши Сибири нрав);
«Тверда на ошуп, не хохочет»
(Тверда на ошуп? Это что же?
На мрамор холодный ли похожа?
На выраженье: «не смеется»
Скажу: сиреной так зальется!),
Что не танцует никогда
(Сильфидой пляшет иногда);
Увлечь не может к идеалу,
К стремленьям чистым и живым
(Увы, то правда! Мы к финалу
Пришли. Отвечу лишь немьм).*

Так в чем была причина обиды жителей молодого и дерзкого портового города? Ответ на что написал так злобно ЦЭЦЭ? Поводов для обиды на А. П. Чехова было два. В своих очерках он писал: «Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уже задает вам вопрос: «А не выпить ли нам водки?». Наверное, этот упрек, во многом справедливый, можно было стерпеть. Но вот о женщинах А. П. Чехов отзывался еще более «неизящно»: «Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа; она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не миловидна и, как выразился один старожил в разговоре со мной: “жестка на ошупь”».

Наши местные патриоты решили заступиться за родину, за женщину и разразились фельетоном. (Как выяснил владивостокский исследователь Б. Д. Лищинский при помощи библиографа Т. З. Матвеевой, под псевдонимом ЦЭЦЭ печатался И. Д. Кануков, офицер-артиллерист, сотрудничавший с газетами «Владивосток» и «Дальний Восток».)

Так кто был прав в данном случае? К сожалению, прав был Чехов. Своим талантливым взглядом он быстро и точно оценил нравы полукриминального города. Свое мнение о нашем городе он выразил в письме А. С. Суворину от девятого декабря 1890 года: «...Был я во Владивостоке. О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущее довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя...» Антон Павлович был не единственным, кто подчеркнул низкие нравы жителей портового города. Вторит ему его друг Б. А. Лазаревский, который приехал во Владивосток из Севастополя. Вот что он пишет спустя четырнадцать лет после визита Чехова, девятнадцатого марта 1904 года: «Говорят, что здесь можно привыкнуть. Хочется верить и не могу, а пока чувствую себя собакой, которую только что впихнули в клетку и заперли, а дальше что будет — не знаю. Меня отправили экстренно, дали мне 3600 р.

прогнозов и подъемных. Если бы я раньше трех лет пожелал вернуться в Россию, то обязан прогнать возвратить... У меня волосы дыбом становятся — три года, легко сказать, — без книг, без людей, без семьи... Я сюда попал как в мышеловку...»

Ничего не понимаю. Почему же таким адом показался наш город таким выдающимся людям?

— Баба Лида, — не унимаюсь я, — давайте посмотрим еще документы, в которых говорится о Владивостоке в 1890 году.

— Ты ведь перечитал целую подшивку газет «Далекая Украина», — говорит бабушка, — неужели этих свидетельств тебе недостаточно?

Но я стою на своем. Была же и у нас во Владивостоке интеллигенция, были писатели, просветители?

И я опять погружаюсь в старые фолианты, на этот раз из раздела «Единицы хранения по личному составу». Ангелина Абрамовна Цеерман приехала во Владивосток в 1883 году вместе со своим мужем — военным моряком. После петербургских гостиных культурная жизнь города показалась ей омерзительной и убогой. Вот что она пишет своей петербургской приятельнице: «О духовной жизни говорить нечего — ее почти нет. Пьянство, картеж и сплетня — вот три кита, на которых держится местное «высшее» общество».

В 1873 году отставной военный фельдшер Бакушев решил своими силами создать любительский театр. Это был театр без своего помещения, без актерской труппы, без декораций. В качестве актрис он пригласил ссыльнокаторжных преступниц, а мужские роли отдал писарям военного штаба. Декорации вручную изготавливали жены офицеров. Первой пьесой, которую репетировали, стал «Гамлет». Однако пьесу постигло полное фиаско: во время первого акта пьяные офицеры вломились на сцену, стали крушить декорации, бить актеров и грязно приставать к актрисам. Но у данного события есть не менее нелicenseприятное продолжение: на следующий день после этого инцидента по приказанию начальника округа вся женская часть, участвовавшая в постановке «Гамлета», была подвергнута наказанию — их высекли розгами — за то, что женщины не прошли медицинский осмотр. Антон Павлович приехал в город семнадцатью годами позже этого позорного события.

Октябрь — самая лучшая пора во Владивостоке. Если, конечно, не идет дождь. Мы с моей бабушкой поднимаем газетные сводки погоды за пятнадцатое — девятнадцатое октября 1890 года. Была морось, температура воздуха три градуса тепла. Зябко и сыро. Представляю, насколько некомфортно было больному Чехову дышать сырým, промозглым воздухом. Поскольку тротуаров в городе еще не было, то писателю пришлось волей-неволей увязать в грязной уличной жиже центральной улицы Светланской.

Светланскую пересекало множество оврагов, перейти которые было большой проблемой. В сырую погоду извозчики отказывались везти пассажиров, так как телеги просто утопали в грязевой жиже. В том самом, 1890 году по распоряжению городского главы овраги стали засыпать, и Антон Павлович стал свидетелем того, как в городе появляется центральная улица. Что тогда говорить о более маленьких улочках! Итак, Чехов оказался во Владивостоке проездом, направляясь с Сахалина, где он посещал ссыльнокаторжных, в Одессу. И хотя к тому времени А. П. Чехов был уже довольно известным писателем, официальной встречи ему никто не устроил. Как вспоминает в своем дневнике старожил Владивостока, Войнаровский Юрий Аркадьевич, депутат городского Совета в 1890 году: «Чехов приехал во Владивосток инкогнито».

В пережившем эпидемию холеры Владивостоке находиться было небезопасно, и поэтому в целях профилактики да и экономии средств Чехов решил не останавливаться в гостинице, а жил в каюте «Петербурга». На этом же пароходе спустя пять дней он отправился в Одессу. Чем занимался А. П. Чехов в «городе нашенском»? Мне все же удалось раздобыть кое-какие сведения. Прежде всего он совершил ознакомительную поездку по городу на извозчике, затем несколько пеших прогулок, в

некоторых местах буквально увязая в грязи. На второй день пребывания он посетил только что открывшийся Музей Общества изучения Амурского края, экспонаты и библиотека которого его весьма впечатлили.

Здесь, во Владивостоке, Чехов встретился с врачом Борисом Перлиным, с которым он познакомился на Сахалине. Он был очень рад встрече. Приятели долго разговаривали, Чехов рассказывал о своих сахалинских впечатлениях, а Перлин — о тяжелой жизни во Владивостоке. Он жаловался на тяжелую скуку, пьянство и другие пороки местного общества. Он говорил: «Единственное развлечение здесь — это картежная игра. В карты играют все, порой проигрывают все, даже собственную жизнь». Были и более прозаические дела у Чехова в нашем городе — ему надо было здесь оформить загранпаспорт, так как до основного пункта назначения ему предстояло миновать несколько стран. Оформление документа заняло два с половиной дня. Антон Павлович был очень недоволен нерасторопностью местных чиновников.

Покинул Чехов наш город девятнадцатого октября 1890 года. Он сел на пароход «Петербург». На пути у писателя были Сингапур, Индия, Египет, Средиземноморье и, наконец, Одесса.

Однако пройдет время, каких-нибудь четырнадцать лет, отойдут на второй план неприятные воспоминания и в памяти останется только хорошее, о чем писатель напишет в письме тому же Борису Лазаревскому: «Когда я был во Владивостоке, то погода была чудесная, теплая, несмотря на октябрь, по бухте ходил настоящий кит и плескал хвостиком. Впечатление, одним словом, осталось роскошное... А какая вкусная рыба! Устрицы по всему побережью крупные, вкусные». Изменит свое мнение о Владивостоке и Борис Лазаревский, полюбит наш город всей душой и посвятит ему немало своих замечательных произведений.

Что ж до Антона Павловича, то до конца своей жизни он не терял надежды приехать на Дальний Восток, на этот раз в качестве врача. Вот письмо писателю Александру Амфитеатрову от тринадцатого апреля 1904 года: «Если буду здоров, то в июле или августе поеду на Дальний Восток не корреспондентом, а врачом. Мне кажется, врач увидит больше, чем корреспондент». Антон Павлович Чехов умер пятнадцатого июля 1904 года, так больше и не побывав во Владивостоке. В нашем городе ему пока не поставили памятник, но я верю, что он обязательно будет стоять где-нибудь на Светланской, той самой улице, по которой ходил великий писатель. Однако есть-есть! — в нашем городе два памятных места, которые говорят о пребывании великого писателя во Владивостоке. Одно — это сквер возле гостиницы «Владивосток», то место, откуда Антон Павлович любовался резвившимся в море китом, — там установлена памятная табличка. Есть памятный знак в Музее Общества изучения Амурского края, который бережно хранит воспоминания о своем почетном посетителе.

ЭПИЛОГ

Я все же написал о Чехове, который пробыл несколько дней в нашем городе в 1890 году. Я прочел десятки старых газет, журналов, писем. Я рылся в архивных документах, читал воспоминания старожилов, изучал документы в Краевой библиотеке. Я представлял любимого писателя на грязных улицах старого Владивостока, больного, разочарованного и растерянного от человеческой черствости, грубости и непонимания. Я провожал его на пароход, увозящий его все дальше и дальше от «города нашенского», махал ему на прощание рукой и кричал вслед: «Прощайте, Антон Павлович! Прощайте и простите!»

